

ОСОБЕННОСТИ НАРРАЦИИ В РОМАНИСТИКЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА

Д.А. Кольцов, И.М. Попова

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Ключевые слова и фразы: автопортрет; наррация; романистика; событие общения персонажа.

Аннотация: Проанализированы нарратологические аспекты творчества В.Е. Максимова на примере его лучших романов «Семь дней творения», «Заглянуть в бездну», «Карантин» и других. Выявлена специфика воплощения авторского сознания в художественном тексте.

Обычно образ автора в романах Владимира Максимова создается по принципу автопортрета. «Автопортрет художника с теоретической точки зрения может включать в себя не только его с мольбертом, палитрой и кистью, но и стоящую в подрамнике картину, в которой зритель, внимательно взглядевшись, узнает подобие созерцаемого им автора портрета» [1].

Владимир Максимов в ряде романов («Семь дней творения», «Заглянуть в бездну», «Карантин», «Прощание из ниоткуда», «Кочевание до смерти») изображает писательский автопортрет в главных героях, создающих «роман в романе». Важную роль при этом играют многочисленные «события общения персонажей», воплощенные во внутрижанровые формы.

В «Семи днях творения» внук железного коммуниста Петра Лашкова Вадим читает рассказ Ю. Казакова «Трали-вали», в котором дед узнает свою судьбу и одновременно чувствует неразрывную кровную связь с героем рассказа – бакенщиком Егором и со своим внуком Вадимом, боль которого впервые осознал. Архетипический сюжет «путешествия к себе» в «Семи днях творения» воплощает глубокий библейский смысл о необходимости «сотворения себя в духе», об обретении истинного смысла бытия.

Событие общения персонажа выполняет у Максимова не только характеризующую функцию. В притчах, рассказываемых ветеринаром Бобошко, смазчиком Гупаком, плотником Иваном Левушкиным, в байках старика из пивной, в рассказах Штабеля и многих других персонажей раскрывается мудрость народа, выявляется ментальное понимание правды

Кольцов Д.А. – аспирант кафедры «Русская филология», e-mail: postmaster-@kaf russ.tstu.ru; Попова И.М. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология», ТамбГТУ, г. Тамбов.

жизни, посредством чего формируется авторская оценка происходящих событий. Гармонизирующая развязка сюжета, повествующая о возрождении «высохшего от партийной идеологии» сердца Петра Лашкова, говорит о том, что «путешествие к себе состоялось» [2].

«Чем крупнее замысел произведения, чем теснее связано оно с самыми острыми и сложными проблемами действительности, тем труднее поддается благополучному “заканчиванию” его сюжет, тем естественнее оставить его “открытым”», – подчеркивал Б.М. Эйхенбаум [2]. В романах «Ковчег для незваных», «Карантин», «Прощание из ниоткуда» и «Кочевание до смерти» финалы остаются открытыми, поскольку события рассредоточены и на равных правах развертываются независимые один от другого событийные комплексы, имеющие свои концы и начала.

В романе «Карантин» событийность всеохватна (включает тысячелетие русской истории после принятия христианства), описаны узловые, имеющие между собой не только причинно-следственные связи, соотношенные друг с другом во времени, но и внутренние духовные, христианско-аксиологические.

В историческом романе «Заглянуть в бездну» создана сходная система выражения авторского сознания, при котором «прямое слово» безличного повествователя переплетается с голосами главных героев (адмирала Александра Васильевича Колчака, Анны Васильевны Тимирёвой (Книпер), полковника Удальцова, рядового солдата Егорычева, французского разведчика Бержерона), прототипами которых были реальные исторические личности.

Анализ жанрово-содержательной формы романа Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» показывает, что для автора важна идея утверждения таких человеческих личностных качеств, как любовь, милосердие, вера и верность, честность и искренность. Идее революционного пересотворения мира писатель противопоставляет идею преображения жизни путем «исполнения Слова Божия».

Писатель трактует события Гражданской войны с позиций христианского вероучения, убежденный в том, что все совершается в мире не по воле людей, а по воле Божьей. Историческая личность всегда испытывает глубокие противоречия между личными мотивами действий и переживаний и мотивами «всеобщности». Главный герой романа адмирал Колчак, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, не может ею воспользоваться, попирая нравственные законы, хотя осознает, что это единственная возможность соблности такой ценой в условиях предательства национальные интересы и спасти державу. Трагическая ситуация борьбы за спасение отчизны на краю бездны в центре «игралища бесовских сил» и составляет событийность романа.

В романе «Заглянуть в бездну» система народных рассказчиков позволяет воссоздать события в более объективной форме (с учетом всенародной точки зрения). Максимов в процессе создания концепции исторической личности выделяет в героях общечеловеческие черты на фоне индивидуально-личного, неповторимого. Простой солдат Филарет Егорычев становится символом многострадального русского крестьянства. Автор

показывает, как человек может быть буквально перемолот в мясорубке войн и социальных катаклизмов. Изображение событий Гражданской войны дается «изнутри», глазами «человека земли». Земля для Филарета ближе, чем мать родная, она заменяет ему Бога, семью, друзей.

Безличное повествование в романе сменяется на сказ, оформленный как внутрироманный жанр («Из лагерных рассказов Филарета Егорычева») тогда, когда нужно передать ужасы и страдания народа в пекле гражданской войны. «Мужицкий сказ» Егорычева помогает осознать трагедию оторванного от земли крестьянства, вынужденного уничтожать себе подобных. Взгляд русского солдата потрясает искренностью и правдивостью.

Рассказы ротного Удальцова, тоже выходца из народа, – это воплощение русской ментальности с ее открытостью, добротой, искренностью, бескорыстием. Герой имеет твердую волю, строгие жизненные убеждения и глубокую веру, через призму которой воспринимает происходящее. В этом произведении В. Максимова присутствует сложная система высказываний множества участников исторических событий, объединяемых и корректируемых позицией центральной фигуры романа – адмирала Колчака.

В романе «Карантин» событие общения персонажа кроме характеризующей и функции выражения авторского сознания выполняет конструктивную функцию (сцепляет воедино и цементирует изображаемое).

Философско-религиозная проблематика романа «Карантин» воплощается в оригинальной форме многоуровневого повествования, в котором происходит совмещение различных временных пластов не только жизни главных героев, которая переосмысливается ими в остановленном на запасных путях карантинном поезде, но в целом в многовековой истории России.

Владимир Максимов выражает свою художественную позицию с помощью сопряжения различных голосов повествователей, среди которых авторская маска всеведающего рассказчика (Иван Иванович Иванов); рефлексирующий повествователь (Борис Храмов) и десятки второстепенных персонажей-нарраторов, рассказывающих «байки», «притчи», «легенды», «сказания», «сказки», «рассказцы».

Изображая реальные события 1970-х годов, когда был объявлен карантин «по холере», В. Максимов помещает своих героев в карантинный поезд, остановленный перед Москвой. Представители советской интеллигенции (поэт, режиссер, актриса, военный, летчик, священник) оказываются на некоторое время в бездействии, в изоляции, ощущая тревогу за свои жизни. Эта экстремальная ситуация используется автором для показа истинной сути человеческих характеров. Герои не только проявляют и выявляют себя, но и познают глубинные импульсы своих истинных чувств и представлений. Самопознание для Бориса Храмова, Марии, Георгия Жгенти и других персонажей оборачивается в конце концов познанием всего исторического пути России, пониманием зависимости будущего страны от возрождения духовности.

Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Карантин» составляет единство историко-документального и мистического (вневременного) изображения бытия. Созданный в самый мучительный для писателя период жизни, когда вопрос об отъезде из России стал трагической необходимостью, роман «Карантин» содержит в себе новые тенденции как проблемного, так и эстетического планов.

Максимов сплетает сложную нарративную сеть из события общения повествователей, регулярно перемежая их речи оформленными как «внутренние жанры» рассказами «второстепенных нарраторов». Композиционно это представлено именно как сеть, так как голоса всех повествователей выстраиваются в четкой последовательности («Сага о похоронах», «Исповедь Левы Балыкина, или рок судьбы», поэма священника Акопяна «Преображение тихого семинариста», «Сказание о кобыле Сильве» безымянного «носатого лагерника», рассказ эстонца «Эсперанто на службе у человека», лирическая поэма Жанны Крутицкой «Плач Пенелопы», «Песнь песней» летчика Георгия Жгенти и исповедь Анны Тимирёвой «Адам и Ева»).

Если проанализировать специфику расположения в романе отдельных глав, то можно заметить следующую закономерность. Вначале звучит голос Ефима Гершензона, человека, в сознании которого доминируют семейные ценности и который иронизирует над результатом жизни своего дяди, знаменитого большевика.

«Исповедь Левы Балыкина, или рок судьбы» – это событие общения талантливого актера, выходца из артистической среды, человека ироничного, обозленного «тупостью реальности», дает оценку событий шестидесятых годов, «идиотизму советской действительности».

«Душераздирающая» исповедь Балыкина сменяется «рассказцем» священника из Армении, объясняющего дьявольскую сущность сталинизма.

Рассказ «Эсперанто на службе у человека» всесторонне характеризует «истового коммуниста», который пройдя через многие испытания, так и ничего не понял в жизни, став блестящим ученым-лингвистом Эстонии, считал советскую страну «мерилом правды и справедливости», веря, что «за нашей восточной границей реально воплотилась сказка о счастье». Персонаж Максимова создал «сказание» в духе пропагандистских статей с передовиц партийных газет, но слушатели убеждаются в обратном: в страшном зле маниакального следования идее.

Каждый «внутренний» повествователь романа «Прощание из ниоткуда» – это «драматизированный нарратор», так как он участвует в развитии сюжета, являясь его полноправным персонажем. Через свой рассказ персонажи передают не столько события, сколько свое мироощущение, моделируя особую «сокращенную Вселенную».

Вначале в романе возникает событие общения родных Влада, которые давно покинули Россию. Во второй части романа главный герой воспринимает эти послания как голоса, звучащие внутри него самого.

«Голос» веселого московского забулдыги Валеры Левятова, звучит в его «рассказце» под названием: «Действие равно противодействию», углубляя тему сострадания и милосердной любви. Валера раскрывает эту

тему «с обратным знаком», демонстрируя, как жестокость и равнодушие, проявленные однажды человеком, вовлекают в свой порочный круг всех «ближних» и, в конце концов, возвращаются к тому, кто проявил бездушные первым.

«Рассказец», построенный в форме притчи, отличается предельным лаконизмом и скупостью средств изобразительности. Он в наивной сказовой форме передает глубочайшую библейскую мудрость: нарушение моральных законов человеческого общежития ведет к неисчислимым бедам, страданиям и унижениям человека.

Тема драматизма писательской судьбы получает свое глубокое философское обобщение в легенде Бориса Есьмана, который почувствовал талант Влада и решил помочь ему своими откровениями о сути искусства. «Истинные мастера живут другой жизнью. У них не жизнь, а житие, они не умирают, а растворяются в своем творении. Смерть для них – это лишь завершение и ничего более, поэтому в смертный час мастер всегда спокоен, у него есть, за что умереть» [3, 4, с. 384]. Главный герой внимательно слушает легенду, пытаясь понять причину неудачной писательской судьбы «мудрого горбуна» Бориса Есьмана.

Байки Сереги Руммера «Баллада о проданном верблюде», рассказы Майданского, а также легенда Бориса Есьмана «О мастере, который знал...» в целом выражают авторское отношение к действительности.

Единственной отдушиной была для Влада Самсонова любовь к женщине, очевидно, поэтому в финале романа звучит байка Дани Майданского «Сизифов труд, или осторожно – женщина!», представляющая гимн женщине.

Тема творчества в романе «Кочевание до смерти» воплощается с помощью введения параллельного сюжетно-временного плана в жизни главного героя и персонажей «романа в романе», который пишет Михаил Бармин.

Максимов, по сути, продолжил в романе «Кочевание до смерти» пушкинскую тему «поэта и поэзии». Столкновение ярости и милосердия в душе современного человека, обладающего художественным талантом, очень тревожило Владимира Максимова.

Книга Мишани Бармина, которую он вынашивает всю сознательную жизнь и создает на чужбине, истощив свои жизненные силы от бесконечного «кочевания», оказывается романом и о судьбе своего отца, и о судьбе России.

Способы изображения темы творчества в романе Владимира Максимова «Кочевание до смерти» позволяют говорить о нем как о «филологическом романе», в котором творческий процесс, психология и философия творчества писателя занимают важнейшее место, определяя его жанровое своеобразие.

Лирические авторские отступления о тайне создания художественного произведения, переходящие непосредственно в «художественный текст», якобы создаваемый писателем, Михаилом Барминым, как и описание событий его жизни, становятся тройным зеркалом, отражающим облик реального творца, скрывающегося под псевдонимом Владимир Максимов.

Таким образом, события общения персонажа в качестве важного архитектурного приема в романистике Владимира Максимова имеют широкую функциональность, включающую утверждение авторской позиции и создание полифонизма и диалогичности в художественной картине мира писателя.

Система событий общения персонажа призвана через звучание голосов различных персонажей утвердить основную авторскую идею, объективировать авторский замысел, показав единство тех общественно-исторических и внутриличностных изменений, через которые проходит человечество.

Список литературы

1. Тамарченко, Н.Д. Акт рассказывания : повествователь, рассказчик, образ автора / Н.Д. Тамарченко // Введение в литературоведение : учеб. пособие / под ред. Л.В. Чернец. – М., 2004. – С. 300–309.
2. Эйхенбаум, Б.М. Статьи о Лермонтове / Б.М. Эйхенбаум. – М.–Л., 1961. – С. 183–184.
3. Максимов, В.Е. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2. / В.Е. Максимов. – М. : Терра, 1991. – 598 с.

Narration Peculiarities in Vladimir Maksimov's Novels

D.A. Koltsov, I.M. Popova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: auto portrait; character's communication event; narration; novels;

Abstract: The paper analyzes the narrative aspects of V.E. Maksimov's works illustrated by his best novels "Seven Days of Creation", "Looking into Abysm", "Quarantine" and others; the specific nature of author's perception embodiment in literary text is revealed.

© Д.А. Кольцов, И.М. Попова, 2010